

обладают «переходы и разнородные смешения»¹¹ (Uebergänge und heterogene Mischungen), докладчик показал, что всякое совершенное лирическое произведение, подобно произведению музыкальному, формально представляет *соединение тем*.

Соединение это дает диаду или триаду. Первая, как неразрешенное сопоставление, имеет волнующее, вторая, — разрешение дающая, — успокоительное, hesychast'ическое¹².

Здесь то противоположение, которое со времени Ницше определяется именами Диониса и Аполлона.

Типичные диады встречаются особенно у Тютчева; образец простой триады — Гетевско-Лермонтовское «Горные вершины», первые, описательные строки которого поэтически ничтожны, пока не воспринята antithesis: «Подожди немного» и synthesis: «Отдохнешь и ты». Вопрос о том, возможно ли множественность тем в лирике, на подобие модернистской музыки, остается пока, по мнению докладчика, открытым.

III

«Труды и Дни»

<...>

Брат мой, иначе славящий общего бога, страшнее врага. Враг мой отнимет у меня только жизнь, брат мой отнимет только веру.

Так думалось при чтении первого выпуска нового повременного издания — «Трудов и Дней». Вячеслав Иванов, Александр Блок, Андрей Белый, «Мусагет», — ведь это все наши, родные, которых мы любим давно и глубоко: они не зовут ли нас к новому служению? Отдельные статьи этой книжки хороши и даже прекрасны: во многом чувствовал я подлинное прозрение той правды, которой живу; но инославно, быть может, общее их устремление к тому же божеству.

Всякий повременник стремится повлиять на тех, кто избрал его, кто пошел к нему, не частностями, а всем обликом своим.

В основу «Трудов и Дней» положено *внутреннее единение* поэзии, искусства с религиозной философией. Внешнее разделение издания на две части так и остается внешним приемом. Первая часть, посвященная теоретической разработке символизма, получает особое освещение от второй, философской: и это будет

так, даже если того не хотят руководители, ибо для читателя впечатление выявляется как бессознательный итог, как равнодействующая всех отдельных усилий.

Весьма показательны то, что первые три статьи «Трудов и Дней» были прочитаны как доклады в Обществе Любителей Художественного Слова, с которым «Аполлон» так тесно дружит (Вячеслава Иванова «Мысли о символизме» и Андрея Белого «О символизме» в заседании 18 февраля текущего года; Владимира Пяста «Нечто о каноне» в заседании 30 октября 1911).

Но остро ощущается, что эти прекрасные доклады, тогда нас пленившие, могут сделаться чем-то совсем другим для читателя «Трудов и дней», воспринятые в связи с общим устремлением это повременника.

Единение поэтических и художественных идеалов с религиозной философией вызвано для руководителей нового издания глубокой и прекрасной потребностью в единстве всей культуры, всей жизни. Это устремление противоборствует тому разброду, тому развалу, тому распылению, которыми, будто бы, угрожают культуре личные *формальные* искания большинства современных художников.

Устремление это опасно. Устремление это излишне.

Оно опасно, потому что оно угрожает превратить художественную жизнь, со всею действительной правдой творческих ее исканий, в какую-то созерцательную гностику. Жизнь перестанет быть жизнью и сделается предметом отвлеченного познания. Такая гностика — присвоение человеком права, принадлежащего только одному Богу, человек же должен жить.

Оно излишне, потому что художественная жизнь обретет свое единство внутри себя, и неместно ей искать у религиозной философии. Последнее же единение наступит тогда, когда не будет уже ни поэзии, ни искусства, ни философии. Наша задача, задача «Аполлона» — показать, что у кажущегося разброда художественных исканий, хотя бы стал он *распылением*, — есть *своясynthesis*, отличная от того, что называет религия Единым, — *synthesis* чистой красоты.

И мы не спорим с ними: но если скажут они нам: «Един лишь Бог», — мы ответим: Да, но для искусства он называется Солнцем.

Могущее показаться опасным устремление «Трудов и Дней» проявляется различно. Но прежде всего хочется подтвердить, что все сказанное относится только к общему *устремлению* нового

повременника. Вся книжка читается с величайшим удовольствием: за немногими исключениями, все мысли эти — нам дороги и близки; и чуждо лишь их нарочитое сцепление.

Вячеслав Иванов, напряженной силой своего внутреннего пылания, высоким благородством своего мышления, чарами насыщенного слова своего всегда пленяет — и убеждает даже тогда, когда с ним остаешься несогласен.

Но именно в том направлении, которое, по-видимому, избрали «Труды и дни», не может дать определение искусству то слияние религии и поэзии, которое таинственно осуществлено в творчестве Вячеслава Иванова.

Очень показательна статья г. Вольфинга о Франце Листе: очерк весьма любопытный и поучительный, несмотря на спорность многих положений; но тут остро и несомненно чувствуется, что такие статьи, давая богатую пищу мысли об искусстве, самого искусства, пожалуй, двигать не могут. Это не жизнь, а гностика (Словом этим пользуюсь в некоем более «литературном», нежели философском смысле, выше поясненном).

Очерк г. Степпуна «Логос» содержит золотые истины, красиво и умно изложенные. Удивительно то, что его определение идеала культуры могло бы целиком войти в исповедание веры «Аполлона», — так много оно, при утверждении мистической истины, оставляет, — в теории! — свободы даже искусству для искусства». Но *тут-то* и не верится вполне... Г. Степпун строит культуру как некое равновесие между мистикой и тем, что *для нас* является искусством. Он как будто бы признает, что удаление от последнего ввергает в безобразность «внекультурной святости». Лишь крайность формального творчества (в более метафизическом построении) он признает «люциферианством».

Но мы боимся, что «Труды и дни», в страхе перед люциферианством, заберут далеко в сторону безобразной «внекультурной святости». Равновесие будет нарушено.

<...>

